Оригинал и его Эго

часть 1

Александр Солин

Александр Солин

Оригинал и его Эго, часть 1

«Автор»
2026

Солин А.

Оригинал и его Эго, часть 1 / А. Солин — «Автор», 2026

Мольер говорил: «Писательство похоже на проституцию. Сначала ты делаешь это по любви, затем для нескольких близких друзей, а затем за деньги». И с этим трудно не согласиться. К сожалению, сегодня большинство начинающих писателей мечтает миновать любовь и дружбу и сразу заняться проституцией. Давайте все вместе скажем им так: не узнав любви, вы и в проституции не преуспеете. Не мечтайте о завтрашнем дне, живите сегодняшним, где вы можете еще познать завораживающее состояние вдохновения, которое подобно привидениям приходит ночью и уходит на заре. Именно это время вы будете с грустью вспоминать, когда литературная проституция сделается вашей профессией...

© Солин А., 2026
© Автор, 2026

Александр Солин
Оригинал и его Эго, часть 1

Плохо писать о том, что действительно
с вами случилось. Чтобы вышло толково,
надо писать о том, что вы сами придумали,
сами создали. И получится правда.
Э. Хемингуэй

Не читайте других книг прежде этой.
Эфеноген Афинский

Глава 1

Еще одно, последнее сужденье, и рукопись закончена моя. Да, согласен: отсылка лишена тонкогубой взыскательности. Это вам не Сократ с его «Федоном» и не *«индивидуальные достижения великих английских поэтов»*, которых принужденный жить в их вотчине поневоле станет возвеличивать. Кстати, знаете, чем рукопись отличается от летописи? Тем, что рукопись – от лукавого издателя, а летопись - от бога. Она не подцензурна. Так что у меня, пожалуй, летопись. Пишу, что думаю, а не чтобы нравиться. *В закрытый рот муха не залетит* – это не про меня. Всю жизнь не терплю грязную посуду. Для меня именно она, а не грязное белье - признак нечистоплотности. Пантеон моей памяти полон курьезных и не всегда удобных фактов, и вместе они складываются в нелицеприятную картину. Бальзак пожалел человечество, назвав его существование комедией. Правильнее было назвать бедламом…

Филимон Фролов (для своих просто Филя - о, нет, не простофиля, далеко не простофиля!), которому эти дерзкие мысли принадлежали, оторвался от компьютера и отправился на кухню. Засыпал зерна в допотопную ручную кофемолку и рассеянно глядя в окно, принялся машинально вращать стертую до тусклого блеска ручку, краем уха прислушиваясь к редеющему похрустыванию. Подумал: вот также и нас, словно зерна засыпают в жернова жизни, а потом слушают, как мы протестующе хрустим - до тех пор, пока не онемеем. Сварив в турке кофе, Филя кинул туда щепоть корицы, вернулся с чашкой в комнату, присел за компьютер и продолжил:

Взять хотя бы ту же власть. Со времен пушкинского Пимена никакие мутации не пошли ей на пользу. Она по-прежнему такая же вздорная и самодовольная. Лучше всех боярам. Они поняли, что находиться в одной повозке с власть предержащим гораздо выгоднее, чем управлять ею. Пока возница остервенело дергает вожжи и набивает шишки, они за его спиной набивают карманы. Лукавые царедворцы, они боятся лишь тех, кто *«злословием притворным» «узнать твой тайный образ мыслей»* норовит, чтобы затем оговорить. История страны – это история череды, прости господи, «элит», которые меняют лишь названия, но не суть. Неизменна и структура власти: она по-прежнему подобна дереву, растущему корнями вверх.

Что заставляет людей вожделеть власть? Причины разные. Есть пронырливые ничтожества, для которых как нельзя кстати пословица: чем выше взбирается обезьянка на дерево, тем лучше видна ее голая задница. Это просто воры. Есть те, кто ослеплен внешней мишурой властного положения. Это бездельники. Есть те, которые становятся заложниками компромисса. Это канатоходцы, чья судьба зависит от умения держать равновесие. Есть одурманенные иллюзией могущества. Это генераторы хаоса. Есть те, кто пользуется властью, как рычагом в надежде перевернуть мир по своему усмотрению. Это слуги апокалипсиса. Есть те, которые возникают своевременно и ниоткуда и становятся последней надеждой нации. Это, разумеется,

спасители. Правда, их апостолы не всегда праведны. И есть, наконец, те, что достигнув высшей власти, сохраняют трезвомыслие и не заблуждаются на свой счет. Это узники совести. При этом, согласитесь, есть разница между теми, кто рвется к власти и теми, кто рвется во власть. Первые одурманены ею, как хищники кровью, для вторых она как кошелек в чужом кармане. Как бы то ни было, одно точно: у каждого достигшего маломальской власти есть свои *«кровавые мальчики»*. Это также верно, как и то, что за каждым бюллетенем «за» слышится все тот же народный стон:

Ах, смилуйся, отец наш! Властвуй нами!

Будь наш отец, наш царь!

Филя оторвал взгляд от экрана, подумал и приписал:

Впрочем, добропорядочным гражданам волноваться не следует: для России это в порядке вещей. Как говорится, что русскому здорово, то немцу (в широком этимологическом смысле) смерть. Что до великих правителей, то истинны только их записные мысли. Все остальное – фантазии на их счет.

Фролов подхватил чашку с кофе и откинулся на спинку стула. К этому времени на его счету числились три романа и с десятка три рассказов - достаточное основание вообразить себя писателем. Правда, пока еще непубликуемым, а стало быть, непризнанным. Но нет худа без добра: он мог позволить себе роскошь быть независимым, и судьей ему была лишь его писательская совесть. С нею он в компании таких же непризнанных квартировал на некоем квазилитературном сайте, называя его в минуты раздражения пристанищем графоманов. Мы живем в эпоху, когда к феноменам бытия вроде универсальных аксиом «деньги не пахнут» и «деньги выше закона» добавилось новообразование двойного толка (то ли средство от одиночества, то ли вакханалия этого самого одиночества), имя которому Интернет и призрачный мир которого реальней действительности. Почему бы не воспользоваться.

В неподкрепленных фактами обобщениях есть что-то легковесное и неубедительное. Вроде теоремы без доказательства, претендующей на звание аксиомы. Фролов мысленно окинул топографию замысла своего очередного опуса, подыскивая там место своим отвлеченным размышлениям. Место нашлось и, нанизав их единым коконом на сюжетную ось, он продолжил разматывать нить повествования.

«Витиеватый жизненный путь моего героя привел его в самом конце восьмидесятых на одно основательное ленинградское предприятие, которое к тому времени начинало торговать с заграницей. Дело было новое, и за отсутствием опыта требовало внимания компетентных служб. На этой почве он и познакомился с Артемьевым, чье звание, а тем более принадлежность знать было не положено. Со временем между ними сложились доверительные человеческие отношения, и когда в начале девяностых страна пустилась во все тяжкие, и мой герой, покинув завод, отправился в свободное плаванье, их отношения укрепились до партнерских. Совместными усилиями им удалось заработать кое-какие средства, и мой герой, учитывая некоммерческий статус партнера, стал казначеем его зарубежных счетов. И вот однажды, году в девяносто пятом Артемьев в свойственном ему ироническом духе объявил:

- Евгений Николаевич, я продал вас в рабство.

Он выкал до самой смерти - не то из показного уважения, не то храня дистанцию. Было лето, было жарко, и они сидели в машине с опущенными стеклами на углу Перинной и Невского. Выяснилось, что Артемьев замолвил за своего партнера словечко в Комитете по внешнеэкономическим связям, и завтра у него в пятнадцать ноль-ноль собеседование на Исаакиевской площади.

- Там командует наш человек. Толковый парень, великолепно владеет немецким, - сообщил Артемьев. Сам он, к слову сказать, в немецком знал толк.

В этот момент от цветастой стайки цыганок, что крутились неподалеку, отделилась одна из них и, подойдя к машине, заглянула в салон:

- Давай, золотой, погадаю! – напала она на моего героя, безошибочно угадав в нем своего клиента.

Евгений смутился: цыганок он побаивался. Нагадают, черт знает что, и потом живи с этим.

- Не надо, не хочу, - промямлил он, стараясь не глядеть на женщину.

- Давай так, мой золотой. Вот тебе сто рублей, - протянула она ему банкноту, - а ты положи на них пятьдесят одной монетой, заверни и верни мне.

- Нет, нет, ничего не надо! – отбивался Евгений, все более теряясь.

Видя беспомощность своего протеже, Артемьев отвел лацкан пиджака, подставил глазам цыганки подмышку с кобурой и коротко бросил:

- Уйди!

Цыганку будто ветром сдуло. Кажется, если бы на ней была фуражка, она бы перед этим козырнула. Не иначе из их ведомства, усмехнулся про себя Евгений. И еще вспомнил, как вначале их денежных отношений Артемьев мило улыбнулся и сказал:

- Если обманите, Евгений Николаевич, пристрелю.

На следующий день он прошел собеседование и принялся ждать. Тут самое время вспомнить об одном досадном обстоятельстве, которое до сих пор если и доставляло неприятности, то лишь одному Артемьеву: увы, он не был трезвенником и время от времени впадал в запой. Видно, по этой причине его, сравнительно еще молодого, и перевели в резерв. Запил он, как на грех, и в этот раз, и когда недели через две вышел на связь, Евгений по его виноватому тону понял, что поезд ушел без него. Впоследствии мой герой, следя за головокружительной карьерой своего несостоявшегося внешнеэкономического начальника, не раз представлял, что было бы, окажись он у него на службе. А было бы вот что: локтями он толкаться не умел, но везде, где до этого работал, быстро приобретал репутацию инициативного, толкового специалиста. Проявил бы себя и здесь. Проявив, попал бы на заметку главному, а там, глядишь, и поехал за ним вместе с прочими в Москву – чем черт не шутит! А дальше эта самая власть, за которую одни цепляются, как за спасательный круг, а другие бегут от нее, как от чумы. Нет, он, конечно бы, привык: с волками жить – по-волчьи выть, но как быть с совестью, которая в один прекрасный день не выдержала бы и подала в отставку!

Неугомонная судьба (не иначе сочиненная в ведомстве самого бога соблазна) подкинула ему, однако, второй шанс.

На пороге нового века он познакомился с начинающим, не особо опытным в бизнесе, но полным дерзких планов отставным военным. Артемьев к тому времени скончался от острого панкреатита, и новое партнерство было для Евгения как нельзя кстати. Он задействовал свои заграничные, преимущественно консалтинговые и юридические контакты, и некоторое время пытался приспособить их к изменчивым и не всегда внятным планам партнера. Их тягучее, непродуктивное сотрудничество продолжалось года два, а потом ориентиры партнера поменялись, и им пришлось расстаться. Каково же было изумление моего Евгения, когда он через десять лет узнал, что его бывший партнер назначен заместителем министра не какой-то там губернии, а всей страны! Новость эта лишь укрепила его в убеждении, что российская власть, как и всё византийское превосходит его разумение. Мало того что она сама слепа, так еще и требует слепого подчинения! И ладно бы еще кому-то приличному, но ведь проходимцев там во сто крат больше! И все же, что заставляет человека рваться к власти и во власть? По сути, то же, что и актера выходить на сцену. Нет, не отрава призвания, а инстинкт превосходства. У Евгения этого инстинкта не было, а потому описанные эпизоды жизни остались в его памяти досадным недоразумением…»

Фролов перечитал то, что вышло из-под его набивших руку пальцев и, подумав, добавил:

«Не собственность портит человека, а власть. Где власть, там воровство. Собственность только тогда кража, когда она достается через власть»

Глава 2

- Не стану говорить о плачевном состоянии нашей некогда великой литературы, хотя вам, молодым, это может показаться странным. Скажу так: я знавал и другие, лучшие времена, где звание инженера человеческих душ присваивалось, а не покупалось. Нынешнюю русскую литературу можно поставить в один ряд с последствиями крушения римской империи, когда вместе с ней потеряли силу ее боги. Их попросту отправили в архив, то бишь, мифологизировали. Так же поступили с нашим прежним Олимпом во главе с громовержцем Пушкиным. Да, старый Олимп по-прежнему существует, но как преданье старины глубокой. Его обитателей уже не боятся и их именем не клянутся. Но свято место, как известно, пусто не бывает, и теперь у нас другие боги. Вернее сказать, убожества. Богатое наследие прежних мастеров они разменяли на фальшивые полушки, рядом с которыми и пятак – богатство. Пора признаться и признать, что литература, которую мы здесь имеем в виду, есть привилегия и прибежище меньшинства, причем, исчезающе малого меньшинства, принадлежать к которому большая честь, и вы часть этой чести. Чтобы быть достойными этой чести, придется постараться. Для этого необходимо навести порядок в современной русской литературе и перевести ее из лихорадочного, больного состояния в состояние покоя, ибо как говорил Марк Аврелий *«покой не что иное, как порядок внутри»*. Сегодня пишущему человеку чтобы оказаться на виду, нужны деньги, связи и прочие нетворческие ресурсы. Критики проплачены, рецензенты куплены. Можно написать гениальный текст и разместить его в Интернете, но он так и не дойдет до читателя, потому что рядом с ним, как на бесконечной доске объявлений висят сотни тысяч других текстов, далеко не гениальных и попросту убогих, и найти среди них стоящий текст - все равно, что отыскать иголку в стоге сена. Можно, конечно, победить в каком-нибудь престижном конкурсе, но это из области фантастики. В порядке вещей жестокая борьба за место под литературным солнцем, где все средства хороши. А потому впереди у вас противостояние с потакающими дурным вкусам издательствами с их обоймой набивших оскомину авторов. И самое главное: вы должны возродить художественный отбор, ибо без него литература превратится в стоячее болото…

Так вещал перед аудиторией Филимон Фролоф. Да, да, тот самый Филимон Фролоф, автор «Полифонии» и еще двух десятков завиральных, псевдорассудочных романов, чья атмосферная, как любят нынче выражаться всеядные дилетанты, бессюжетность пришлась по вкусу молодой филологической общественности. Его хотели слушать, его приглашали, и он не отказывался. Вот и сейчас он выступал в питерском педагогическом университете перед будущими филологами. Молодые лица, любопытствующие глаза, немало скептических.

- Мольер говорил: *«Писательство похоже на проституцию. Сначала ты делаешь это по любви, затем для нескольких близких друзей, а затем за деньги».* И с этим трудно не согласиться. К сожалению, сегодня большинство начинающих писателей мечтает миновать любовь и дружбу и сразу заняться проституцией. Давайте все вместе скажем им так: не узнав любви, вы и в проституции не преуспеете. Не мечтайте о завтрашнем дне, живите сегодняшним, где вы можете еще познать завораживающее состояние вдохновения, которое подобно привидениям приходит ночью и уходит на заре. Заодно станете свидетелем чуда, когда рукописное слово, освободившись от звука, обретает плоть и кровь. Именно это время вы будете с грустью вспоминать, когда литературная проституция сделается вашей профессией, и ваше мнение должно будет либо совпадать с официальным, либо ни на что не влиять, а значит, ничего не стоить. Вы уже не сможете сказать: я принял ваши правила, теперь примите мои – это будет не по правилам. Всему свое время, друзья, всему свое время. Всегда помните, что сказал Экклезиаст: *«Я понял задачу, которую дал бог решать сынам человека: всё он сделал прекрасным в свой срок»*. Иными словами, вещи вокруг вас должны занять свои места, а вы – свое место среди вещей. Так что не спешите расставаться с невинностью…

- А если изнасилуют? – раздался голос с места.

- Тогда рожайте, милая девушка, и считайте, что вам повезло! – не растерялся Филимон Фролоф.

После краткого взрыва смеха, он обратился к аудитории:

- На этом вводная часть закончена. Готов ответить на ваши вопросы.

- Вот вы сказали – полушки, обойма. А сами вы кем себя считаете? – прозвучал первый вопрос.

Фролоф:

- Важно не кем я себя считаю, а кем считаете меня вы. Но я отвечу. Я – протестант. Я по мере сил протестую против нынешнего состояния литературы, к чему и вас склоняю.

- А откуда у вас такая фамилия? Или это псевдоним?

- Псевдоним. Если вы читали у меня что-нибудь, то заметили, что в текстах я склонен к странностям. Моя настоящая фамилия – Фролов, и своим псевдонимом я как бы говорю триединое фи всему, с чем не согласен.

- Филимон Григорьевич, а сколько вам лет?

- Вы можете это узнать в Википедии, но я скажу: полных пятьдесят три года.

- Как и когда вы начали писать?

- Склонность к сочинительству я обнаружил у себя еще в школе. Мне нравилось писать сочинения на вольную тему. После школы поступил в технический ВУЗ, где начал тайком писать рассказы, а когда стал работать на заводе, отослал несколько рассказов в «Юность». Времена были суматошные, и по какой-то метафизической причине рассказы приняли. Так пришло признание. Это уже потом под влиянием абсурда российской действительности девяностых у меня сформировался тот стиль, в котором я пишу до сих пор.

- Как вы относитесь к аудиокнигам?

- Лично я их не одобряю. Они превращают читателя в слушателя, а это другой уровень восприятия. Это как если бы вам вместо музыки называли последовательность нот, предлагая превратить их в звуки. Слух дан нам для музыки, глаза - для чтения. По мне нет лучшего наслаждения, чем неторопливое вдумчивое чтение. Впрочем, каждому – свое…

- А к блогерам как относитесь?

- Как к издержкам технического прогресса. А точнее, как к назойливым мухам. Многие полагают, что заведя блог, сразу станут умным. Поэтому среди этой породы людей полно самодовольных невежд. Тем не менее, это не мешает им рассуждать обо все на свете, становясь кое для кого буквально светом в окошке. Послушайте, но если звезды зажигаются, значит это кому-то нужно! Кому? Я тут где-то прочитал про некий ролик, в котором котенок гоняется за мухой. Так вот он набрал восемьсот тысяч просмотров! Это же как надо не ценить время! Вот это и есть потребители блогерского продукта. С другой стороны, человеческая жизнь – это общение. Его не отменить никакими законами и никакими техническими средствами. Одни теряют время с блогерами, другие – с мудростью веков. Повторюсь: каждому - свое…

- Что вы читаете?

- Слежу за содержанием толстых журналов. Держу, таким образом, руку на пульсе современной литературы. И знаете, пульс этот на удивление вялый. Я бы даже сказал уныло вялый. Время нынче непростое, а у авторов одна бытовуха на уме. Также читаю лауреатов всяческих премий, в число коих не всегда попадаю, и пытаюсь понять, за что их награждают. Я тут специально выписал для примера. Где оно тут у меня… - порылся Фролоф в портфеле. - А, вот, нашел! Послушайте:

«В течение многих лет Чагин являлся на службу в одно и то же время и, как мне казалось, в одном и том же виде. Надо думать, одежду Чагин менял, но каждая смена повторяла предыдущую. В любое время года он ходил в темно-сером костюме и такой же рубашке. Серым был и его галстук, который не сразу опознавался, потому что сливался с рубахой. Осенью и

весной Чагин носил болоньевый плащ цвета мокрого асфальта, а зимой – темно-серое пальто с цигейковым воротником. Когда вышел роман «Пятьдесят оттенков серого», я подумал, что так могла бы называться и книга об Исидоре»

По правде говоря, не понимаю, кто и за что наградил эту унылую, серую прозу. Но дело не только в ней. Из нашей литературы исчезла легкость, в ней не осталось виртуозности, напрочь пропал стиль. Все и обо всем пишут одинаково. И это притом, что особенностью и главным достоинством русского языка является его гибкость, вариативность. Бедные французы могут нам только позавидовать. У них мало того что все слова имеют ударение на последнем слоге, так еще и порядок членов предложения ранжирован: сначала подлежащее, затем сказуемое, и после – дополнение. И будь ты хоть академик, хоть лауреат Гонкуровской премии – изволь писать именно так. Их президент Клемансо говорил по этому поводу приблизительно так: «Французский язык прост – сначала подлежащее, за ним сказуемое, а следом дополнение. Кто хочет писать лучше – приходите ко мне». Это что касается стиля. С содержательностью еще хуже: в центре повествования – бесконечные житейские истории разной степени надуманности и с одинаковой моралью: жизнь – штука непростая. О том, как перевирают историю и говорить не приходится. Всегда вспоминаю при этом «Окаянные дни», где Бунин написал: *«Раскрылась несказанно страшная правда о человеке. Все будет забыто и даже прославлено! И прежде всего литература поможет, которая что угодно исказит…»* Что верно, то верно. Художественная правда – это не жизненная правда. Она открыта для толкования. При этом каждый толкует ее с позиций собственного мировоззрения. Ведь в чем отличие художественного метода от, например, научного? В том, что язык науки максимально однозначный, а художественный язык всегда многозначный. Ученый говорит: стрела времени направлена в одну сторону. Поэт о том же самом: *«Тропинка старая уходит в прошлое, но нам с тобой туда дороги нет»*. Или вот Лев наш Николаевич Толстой: *«Время, в отличие от денег невосполнимая энергия: его нельзя ни накопить, ни взять в долг, ни одолжить другому».* Ну, и так далее…

- Филимон Григорьевич, как вы считаете, почему сегодня нет писателей уровня Достоевского, Чехова, Булгакова, Шолохова или того же Платонова? Ведь наше время не менее конфликтно, чем их!

- Местами даже поболе, скажу я вам! Скажу больше: нынешние сочинители не дотягивают даже до уровня русских писателей второго эшелона! Кого-то испортил постмодернизм, кого-то показное бунтарство, кого-то самолюбие, кого-то тщеславие, кому-то элементарно не хватает таланта. Я бы здесь обратился к моему любимому Марку Аврелию, чьи размышления о жизни не стареют вот уже двадцать веков. Он написал: *«Что улью не полезно, то пчеле не на пользу»*. Вот и судите сами, кто виноват в том, что пчелы малопродуктивны. С ульев надо начинать, то бишь, с пчеловодов! Вот говорят: тошно поэту во времена, когда он не нужен обществу. То же самое можно сказать о прозаиках. Добавьте к этому, что писателям, как и всем творцам, свойственно выгорать, и сегодня их выгорание происходит катастрофическими темпами, особенно там, где и выгорать-то нечему. Две-три книги, и нет писателя…

- А как вы думаете, писателю необходимо филологическое образование?

- А для чего?

- Ну, чтобы правильно писать…

- Важно писать не правильно, а интересно. Возьмите того же Горького – у него не было даже начального образования, он всему выучился сам, да так что Литературный институт в Москве носит его имя. Только что-то новых Горьких мы не видим. Нет, удел писателя – постоянное самообразование. Ну, хорошо, будем считать, что знакомство состоялось. Теперь по существу: поднимите руки, кто что-нибудь у меня читал.

Подняли руки более половины присутствующих.

- Неплохо, рад! – похвалил Фролоф. – А теперь кому и что понравилось либо не понравилось. Да, пожалуйста! – пригласил он взлетевшую руку.

- Мне понравилась «Вторая жизнь». Понравился прием двойного сна, на который можно списать все сюжетные и фактические несуразности. Там потрясающий финал. Знаете, когда напряжение нарастает и, кажется, вот-вот рядом что-то взорвется! И действительно: молния, гром и… пронзительная тишина… И благодать, как после грозы… Должна сказать, что финалы у вас получаются.

- Спасибо, милая девушка! В самом деле, немного фантасмагории текстам не помешает. Вымысел есть вымысел. Главное, чтобы он способствовал движению. Не знаю, как в политике, а в литературе принцип меньшевика Бернштейна *«движение – всё, конечная цель – ничто»,* по моему мнению, весьма уместен. Терпеть не могу кондовую сюжетность, когда начав читать, уже знаешь, чем дело кончится. Правильные злодеи, правильные герои, правильные поступки, всё правильное. Вообще говоря, если понимать под художественной литературой описание деятельности человеческого духа, сюжет не обязателен. Да, есть причинно-следственная связь, а значит, предполагается развитие, но и перемешав эпизоды, можно добиться эстетического эффекта, который один только и является настоящей целью художественного текста. Эра назидания в художественной литературе – а прочие письменные опусы я литературой не считаю – закончилась. Жизнь героев продолжается за рамками текста, и каждый читатель сам для себя делает выводы из того, что прочитал. Лично я считаю, что настоящая книга это та, которой наслаждаешься как запахом розы, не вникая при этом в строение самой розы. Вот потому я люблю Набокова и не люблю постмодернистов, хотя есть чудаки, которые находят признаки постмодернизма у позднего Набокова.

И, выставив ладонь в сторону взметнувшихся рук, Фролоф добавил:

- Хотел бы особо подчеркнуть, что все, что я вам говорю, спорно и может расходиться с наставлениями ваших преподавателей. Вам решать, как к ним относиться. Да, пожалуйста! – поднял он взъерошенного очкастого парня.

- Насчет эры назидания. Мы ведь будущие педагоги, а педагогический процесс держится на назиданиях. И как тут быть?

- В таких случаях я всегда говорю: нужно нашим Маням, Ваням знать историю свою. Это главное. Но вы правы: назидания – для неокрепших умов. Как только ум окреп, его не свернешь никакими назиданиями. Есть педагогический процесс и есть самообразование, частью которого является чтение. Школа – это святое. Это дверь в большую жизнь, а *искусство жить,* по словам Марка Аврелия*, похоже скорее на искусство борьбы, чем танца.* Это справедливо даже для танцевальных училищ. Важно, чтобы семья, школа и книги учили одному и тому же. Тогда и возникает гармония. Разве не так?

- Так. Спасибо.

- Вам спасибо! Да, давайте ваш вопрос! – указал Фролоф рукой на яркую, эффектную девушку.

- Вы сказали про смешение эпизодов, и я сразу вспомнила ваш роман «Ностальгия». Да, так и есть: движение без сюжета. Во всяком случае, в первой части. И еще понравились шараханья героев – что называется, из огня да в полымя. Читаешь, и вместе с ними то в жар, то в холод, и не знаешь, чего ждать. Скажите, вы писали роман на основе чьей-то истории, и если да, то что стало с его героями?

- Нет, это чистая выдумка, возможно, правдоподобная, но выдумка. Что стало с героями могу только предполагать. Они могут эмигрировать, а могут и остаться. Главное, что они нашли друг друга. Знаете, я хотел бы, чтобы читатель знал: у каждого эмигранта своя весомая причина для эмиграции. При этом я говорю не о русофобах, которым вовсе не сочувствую, а о простых людях с конечным запасом терпения, с лимитом на экзистенциальность бытия. Загнанные обстоятельствами в угол, они считают, что *там хорошо, где нас нет*, но это как у Эпикура: *«Многие, накопив богатства, нашли не конец бедам, а другие беды».* Всё это, однако,

выходит за рамки романа, и о том, что выбрали герои остается только гадать. Но ведь это и хорошо! В неопределенной ситуации снятся вещие сны!

Поднялись несколько рук. Фролоф выбрал из них самую настойчивую и указал на парня с задорным блеском глаз.

- Да, я читал почти все ваши романы. И «Вернуть рассвет», и «Ностальгию», и «Вторую жизнь», и «Обструкцию», и «Имя Бога», и конечно, «Полифонию». Мне нравится ваш стиль – во всяком случае, вы владеете словом получше многих, но многие мысли ваши спорные, весьма спорные. Сужу об этом с точки зрения того, что бы я рекомендовал моим будущим ученикам почитать из современных авторов. Так вот ваш новый роман «Крест России» я бы не рекомендовал…

- Почему?

- Мне не понравилась ваша трактовка исторической роли России. Вы впрямую настраиваете россиян на конфронтацию с Западом.

- Помилуйте! Не так давно этим занималось целое государство под названием Советский Союз! А до него Российская империя! И слава богу, что мы, наконец, спохватились и вернулись к этой самой конфронтации! Вы, может быть, не прочувствовали, к чему привели наши обнимашки с Западом, а я очень хорошо прочувствовал! Слава богу, есть историческая справедливость, которая все расставляет по своим местам!

- И все равно это неправильно! Вы же сами написали, что не знаете, куда деваться от западной культуры!

- Ну, во-первых, это сказал мой герой, которого не стоит отождествлять с автором, а во-вторых, вы же видите – я обо всем пишу прямо и открыто. Темные потеки намеков не для меня. Да, я вместе с моим героем не знаю, как быть с западной культурой, которую нам до сих пор буквально насаждают, в том числе и в школах. Только у меня такое впечатление, что этого не знают и власти! Они только удивляются, откуда у нас столько инакомыслящих! Да вы посмотрите на количество переводных зарубежных романов! Это же половодье какое-то! И наши доморощенные сочинители стремятся им подражать! Чему подражать? Чужому образу жизни и мыслей? Самое печальное, что литературная зараза подкреплена материальной: «Макдональдс», например, прогнали, а кока-колу и фастфуд оставили…

Возникла напряженная пауза, и Фролоф попытался ее разрядить:

- Нет, я не ретроград и не изоляционист, я где-то даже маоист. «Пусть расцветают сто цветов, пусть соперничают сто школ» - я это приветствую. Но давайте не забывать о последствиях. И если брать у них что-то, то общечеловеческое, а не виллы, яхты, банковские счета и *пятьдесят оттенков серого*…

Фролоф обратился лицом к другому флангу страждущих и дал слово явному недоброжелателю. Худощавый, лощеный парень смазливой наружности с развязным видом объявил:

- Судя по роману «Полифония» у вас богатый сексуальный опыт.

- Тогда по вашей логике Набоков был педофилом? - не растерялся Фролоф.

- Не исключено, - улыбался парень.

– Значит, по-вашему, чтобы писать о смерти надо обязательно умереть?

- Не обязательно, но пережить клиническую было бы неплохо.

- Кто еще так думает? – обратился Фролоф к аудитории.

Несколько рук поддержали нахального парня.

- Хорошо, – потер Фролоф лоб и обратился к парню: - Садитесь и спасибо за реплику.

Помолчав несколько секунд, продолжил:

- Уж сколько раз твердили миру, что отождествлять автора с его героями неправильно. Соглашусь, что книга пишется на основе собственного опыта автора. Но кроме опыта есть еще воображение. Опыт и фантазия – вот истинные авторы художественного текста. Да, «Полифония» - мой самый скандальный роман, хотя лично я не вижу в нем ничего скандального. Глупо

стесняться соитий. В конце концов, они навязаны нам самой природой, которая дальновидно добавила в них дикого меду любви. В отличие от природы люди делят соития на правильные и неправильные. И это так по-человечески – делить предпочтения пополам! Некоторые критики не захотели понять, что я извлекаю из области запретного и ввожу в художественный оборот то, что давно и с успехом узурпировала порнография. То есть, покушаюсь на чужую собственность. Да, это область самого интимного и сокровенного, что есть между полами. Почему же мы должны стыдиться того, на что нас обрекла сама природа? Разве секс не высшее проявление любви? Да, есть прелюбодеяния, есть излишества, но ведь они в романе не воспеваются, а порицаются! В общем, получилось как с «Лолитой»: Набоков хотел *предупредить об опасных уклонах и возможных бедствиях*, а его обвинили в педофилии. Ладно, кто там у нас следующий? Пожалуйста, девушка, слушаю вас!

- Я еще хочу сказать о «Полифонии». Сразу говорю: это блестящий роман. Ничего подобного я про это еще не читала. Вы пишете обо всём, в том числе, о прелюбодеяниях и извращениях, пишете, можно сказать, откровенно и бесстыдно, но так, что я ни разу не покраснела! И потом, откуда вы так хорошо знаете женщин? Меня порой даже оторопь брала: ведь я бы на месте ваших героинь поступила бы также!

Фролоф живо обратился в сторону лощеного парня:

- Вот видите, молодой человек: для того чтобы писать о женщинах, мужчине не обязательно быть ею! Так же как для того чтобы написать про сумасшедший дом, не обязательно становиться сумасшедшим. Продолжайте, милая девушка!

- Да я уже, собственно, все сказала… Просто хотелось защитить роман от несправедливых нападок… А роман действительно выдающийся… - села на место покрасневшая девушка.

- Спасибо вам огромное на добром слове, не знаю вашего имени…

- София…

- Ах ты, господи! Сонечка, значит! И как вам понравилась Софи?

- Очень! Но вы правы – она герою не подходит… Только Полина… И еще, - снова встала она. – Мне кажется, это роман не о любви, а о философии любви.

- Вы хорошо сказали, Сонечка! Если роман будут переиздавать, я в новом предисловии сошлюсь на ваши слова. С вашего разрешения, разумеется. Разрешаете?

- Да, конечно! – окончательно смутилась девушка.

По взглядам, которые на нее бросали, можно было предположить, что она здесь вроде белой вороны. Что ж, именно для таких белых ворон Фролоф и писал.

Поднялась рука, и Фролоф дал ей слово.

- Филимон Григорьевич, вы ведь еще французские стихи переводите и, кстати, очень неплохо… - сказала девушка.

- Спасибо, пытаюсь, - вежливо улыбнулся Фролоф.

- Только с французского на русский, или наоборот тоже?

- Нет, только первое. Для второго мне недостаточно французского. Хотя знаете что? Есть у меня крошечный опыт обратного перевода. Если прочитаю, поймете?

- Постараюсь, - вежливо улыбнулась теперь уже девушка.

- *Ah, petite pomme da sur petite assiete,*

Je m'ennuie de ma femme, je vais vers fillette.

- *Ах, яблочко, да на тарелочке, надоела мне жена, пойду к девочке!* – пропела девушка.

- Совершенно верно! – улыбнулся польщенный Фролоф. – Извините, другого не держим.

- Филимон Григорьевич, а вы женаты?

- И был, и есть, - улыбнулся Фролоф. – Как говорится, второй брак – это юридическое признание того, что первый оказался бракованным.

- А дети?

- Два сына и дочь.

- А можно необычный вопрос?

- Обожаю необычные вопросы! – широко улыбнулся Фролоф.

- Вас в детстве дразнили?

- Еще как!

- И как именно?

- Ну, во-первых, Филя-простофиля. Очень, кстати, полезная дразнилка. Мобилизует. Я делал всё, чтобы не быть похожим на простофилю. Например, не задавал глупых вопросов, первым дразнился, первым задирал и поднимал на смех. Помогало. А еще была дразнилка, которую запустила одна кудрявая девочка. Мне нравилась эта девочка. До сих пор, бывает, закрою глаза и вижу ее в коротеньком платьице с ее детским голоском, которым она пытается меня уязвить, а на самом деле требует, чтобы я обратил на нее внимание. Она отбегала от меня на несколько шагов, показывала на меня пальцем и кричала: «Фи! Лимон!», и я чувствовал вкус лимона, а в придачу к нему какое-то странное, смущенное чувство. Наверное, поэтому любовь у меня ассоциируется со вкусом лимона… Ах, сейчас бы чаю с лимоном! – раскинул Фролоф руки.

Аудитория оживилась, и Фролоф, ответив еще на несколько вопросов, поблагодарил за внимание и сказал:

- Хочу, чтобы вы помнили: никто не обязан свидетельствовать против себя – это принцип мирской конституции, но не собственной совести.

Его проводили аплодисментами.

Глава 3

- Эх, яблочко, да на тарелочке, надоела мне жена, пойду к девочке… - сидя перед компьютером, мурлыкал Филя Фролов. Мелодия неизвестно почему и зачем всплыла с самого дна его отрочества, где она мирно покоилась рядом с босоногим солнечным летом и голенастой девчонкой в непоспевающем за ее ростом платье. В нее он позже, боясь себе в этом признаться, влюбился. Виной ли тому ранняя неразбериха чувств (впоследствии каждый из них объяснял это по-своему), но они расстались, так и не успев толком полюбить. Вдобавок ко всему разъехались по разным городам – она в Питер, он в Москву - где он через несколько лет женился, а она вышла замуж. У него родилась дочь, у нее сын. Казалось бы, тут и сказке конец, но нет. Помнится, лет в двадцать пять он прочитал «Давай поженимся» Апдайка. Книга наполнила его недоумением: как можно быть нерешительным там, где на кону любовь? Зачем эти бесконечные сомнения и душевные терзания?! Зачем разменивать полновесное золото будущего счастья на медную мелочь постылого долга? И как, любя одну, можно спать с другой? Полное впечатление, что герои обожают страдать! Настоящая антология безволия! Если бы он знал, что его ждет. Было же так: встретившись через десяток лет в городе их юности, они стали любовниками. И началась теперь уже взрослая неразбериха чувств, про которую в народе говорят: бог в чужую жену лишнюю ложку меда добавил. Описывать их страдания – только время терять. В следующий раз они встретились через три года и далее продолжали пестовать свое преступное чувство, при каждом расставании осыпая друг друга истеричными любовными клятвами. Вот уж и дети до сознательного возраста доросли, и к сорока пяти годам они, наконец, решили соединиться. Счастье, казалось им, возможно в любом возрасте. И начался мучительный разрыв той паутины, которую они годами плели каждый в своем углу. Он оказался решительнее и, оформив развод, который его дочь, как ни странно, приветствовала, стал ждать встречных мер с ее стороны. Для него так и осталось тайной, почему она вдруг перестала звонить и отвечать на звонки. Возможно, даже блокировала его номер или поменяла свой. Словом, прекратила всякие отношения.

Погоревав, он стал думать, как быть дальше. Мог пуститься во все тяжкие, но вместо этого превратился в печального отшельника. Так продолжалось почти год – своего рода, траур по почившей любви. За это время он постепенно пришел к выводу, что единственный способ заслониться от наваждения по имени Люська - это встретить некую необыкновенную женщину и начать с ней новую, никак не связанную с прошлым жизнь. Поскольку ею могла быть только выдающаяся особа, представить которую можно лишь в мечтах, он с художественным пылом принялся ее сочинять.

Во-первых, она должна быть того же роста, что и Люська. Хотя нет: тогда ее лоб окажется на уровне его губ, и при поцелуе мышечная память будет вспоминать Люську. Пусть будет на несколько сантиметров ниже. Далее: пусть у нее будут такие же длинные, густые и волнистые, как у Люськи волосы, только черные. Лоб пусть будет высокий. Опять незадача: высокий лоб у Люськи. Значит, пусть будет средний. И обязательно гладкий, как у Люськи. Да, конечно, опять напоминание, но не морщинистым же ему быть!

Теперь брови. У переносицы густые и дальше истончаются. И не прямые, не коромыслом и не домиком, а косо ползут вверх. В таком рисунке есть что-то царственное, кошачье. Ну и что, что опять Люська! Но если ее черты заменить на античерты, то получится антикрасота!

Теперь глаза. О, да, глаза - это важно! Глаза - это визитная карточка женщины. Пусть будут широко поставленные, убегающие к скулам. Это придаст им искренность. И обязательно большие. Что значит большие? Это когда верхние веки не наползают, словно сонное облако на радужный диск. Иначе такие глаза можно упрекнуть в скрытности. Прищуренные они и вовсе выглядят угрожающе. Кроме того, верхние веки должны быть как можно ближе к бровям, но при этом не выглядеть запавшими. Ну и, разумеется, нижние веки не должны быть верхней частью распухших мешков. Словом, веки должны знать свое место, быть тонкими, почти прозрачными и не щуриться. Ресницы длинные, густые и черные - это вам каждый скажет. Радужки серые, с голубоватым отливом - большие, ясные, красноречивые, но не лишающие яблок возможности им оппонировать. Зрачки черные, бездонные, с искрой.

Переносица не широкая и не узкая, а прямая и ровная, как естественное продолжение лба. Лоб словно питает нос. Иначе кажется, что лоб сам по себе, а нос растет, откуда и куда ему вздумается. Нос женщины - трубадур ее породы, а значит, характера. Ровный, как горный хребет с крутыми покатыми склонами. Кончик носа - не шире переносицы. Ноздри маленькие, узкие, сжатые. Про такой нос говорят - резной. А дальше начинается детская обидчивая припухлость верхней губы. Сама верхняя губа есть уменьшенная копия лука Афродиты, нижняя - волны, которая вынесла ее на берег. Подбородок мягкий, выпуклый, красиво очерченный. Скулы малозаметные, щеки гладкие, ровные. Маленькие розоватые ушки.

Кого-то ему этот портрет сильно напоминает. Ну, конечно, Люську! Нет, это невыносимо! Это похоже на наваждение! И так из раза в раз. Все его художества сводились к одному знаменателю, а из-под пера выходили мрачные, обреченные на расставания истории. И было в них что-то от «Темных аллей».

И вот через год угрюмого одиночества он отправился в соседний супермаркет. Пошел туда за чаем. А еще за хлебом, сыром и маслом. Это то, чем он питался по утрам после того как его бросили. Что было дальше, он описал в своем рассказе «Чай вдвоем». Вот этот рассказ:

«Придя в магазин, я пошел вдоль стеллажей и, проходя мимо винного отдела, увидел гибкую, узкобедрую красавицу самого раннего бальзаковского возраста, рассматривавшую ряды красных вин. На ней платье - сложная смесь винных этикеток из черного, фиолетового, сиреневого, красного и белого, и тонкая бежевая кофта. У нее пышные, светло-русые, длинные и шелковые волосы. Я остановился в двух шагах и сокрушенно сказал:

- Сколько живу, а в красных винах так ничего и не смыслю!

Незнакомка покосилась на меня и, помолчав, ответила с иронией:

- Тогда уж пейте водку. Там и смыслить ничего.

- Водка - это муза прозы, - возразил я, - а поэзия живет в вине. Вот послушайте:

Гроздей пьянящий запах вьется,
Желаньем полнюсь я, что рвется
С глубин языческих восстать...

- О, да вы поэт! - с усмешкой и сдержанным интересом посмотрела на меня незнакомка. Смотри, смотри, красавица - я безупречен! Когда-нибудь я прочитаю тебе продолжение:

По гроздьям мы, моя крестьянка,
Давай покатимся, вакханка,
Как среди груды лепестков.
Сожму тебя объятьем смелым,
И, содрогаясь телом белым,
*Раздавишь нежный дар богов... *)*

- Так вы поможете мне выбрать что-нибудь этакое? - спросил я.

- Ну, не знаю... - замялась она, - я и сама не очень в этом смыслю. Хотя, что тут думать: берите подороже - не прогадаете!

- А какое возьмете вы?

- Я, пожалуй, возьму вот это... - неуверенно тянется ее рука к одной из бутылок.

- Ну-ка, ну-ка! - перехватываю я бутылку и вспоминаю уроки одного моего знакомого - большого поклонника французских вин. - Так, посмотрим... Так, урожай две тыщи шестнадцатого... Так, Мерло, Каберне Совиньон и Каберне Фран... Логично: каждый сорт в отдельности имеет свои достоинства и недостатки, и стало быть, это смелая попытка умножить их плюсы и минусы на три. С точки зрения математики такое действие смысла не имеет, но у виноделов своя математика. Это все равно, что смешать в одной бутылке отца, сына и святого духа. Стоит взять даже из любопытства. Не знаю, как вы, а лично я люблю Каберне Совиньон. По крайней мере, сразу понимаешь, что пьешь солидное, основательное вино с градусами. Терпкое, насыщенное, с заметным ягодным привкусом. Другое дело - Мерло: фруктовые тона, легкость, летучесть. Это как духи вечерние и дневные...

- А говорите, не разбираетесь! - язвительно улыбаясь, перебивает меня незнакомка.

- Признаюсь - разбираюсь. Просто ужасно захотелось с вами познакомиться...

- А это ничего, что я замужем? - с напускной строгостью говорит она.

- Нет, вы не замужем, - возражаю я. - Иначе бы вы выбирали не вино, а водку. Для мужа. А раз вы выбираете вино, значит, решили посидеть с подругой и пожаловаться ей на жизнь.

Она насмешливо улыбается:

- Надо же, какой вы догадливый!

От нее исходит тонкий, едва уловимый аромат духов.

- Я и в духах разбираюсь, - говорю я. - Вот ваши, например, называются "J'adore..."

- Откуда вы знаете? - с трогательным удивлением вскидывает на меня глаза незнакомка.

Еще бы мне не знать: отступница обожала "J'adore"!

- Нет, нет, я только этот запах и знаю! - улыбаюсь я. - И еще знаю, что это духи для строгих, интеллигентных женщин, которые обожают, когда их обожают!

На вид ей лет тридцать пять. Как раз по мне, сорокашестилетнему. Мы идем к кассе, и я говорю:

- Меня Александром зовут, а вас?

- Лена... - опустив глаза, отвечает моя красавица.

Мы выходим из магазина и останавливаемся.

- Вы извините, - говорит она, - но мне надо идти, у меня дела...

- Да, да, понимаю! - тороплюсь я. - Можно, я вам позвоню?

Она задумывается и говорит:

- Ну, хорошо. Вот вам мой телефон, - и диктует номер. Я словно пес заглатываю его на лету, и челюсти памяти намертво смыкаются за ним. Уже потом, гораздо позже она признается, что в тот первый раз я ей не глянулся - ну, совершенно!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.